

«Прагнеш свободы — то бяры!» песни белорусского протеста

Протест, сопротивление, революция всегда приходят с песнями. И потом, когда революция отошла в прошлое, они звучат еще долго. Мы в Советском Союзе выросли на этих песнях, принимая как должное, что песни, которые вели людей в русских революциях начала XX века, имели четкую полярность:

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Песни протеста, которые стали символами белорусской белой революции, совсем не так просты. Напротив, они имеют глубокий индивидуалистической лиризм, запятанную философичность. Первое место среди них принадлежит песне Виктора Цоя «Хочу перемен!», ныне известной просто как «Перемен!». 24-летний Цой создал эту песню со своей молодой музыкальной рок-группой «Кино» на заре перестройки, в 1986 году. Она имела модернистскую, многослойную образность со сложной ломаной ритмикой стиха

Вместо тепла - зелень стекла,
Вместо огня - дым,
Из сетки календаря выхвачен день.

Это была песня, написанная прежде всего для себя, для своего круга друзей, которые чувствуют, что их затягивает рутина взрослой жизни. Слова были настолько личными и «закодированными», что ее никак нельзя было петь хором. Однако массовой ее сделал припев, который можно было подхватить и петь-кричать всем вместе:

Перемен! - требуют наши сердца.
Перемен! - требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах,
И в пульсации вен:
"Перемен!
Мы ждем перемен!"

Этот был тот момент, когда рефлексирующий человек вырывается из сковывающих его оков. С этим припевом не такой страшной становилась и ключевая парадигма песни, которая сначала возникает как

Сигареты в руках, чай на столе - эта схема проста,
И больше нет ничего, все находится в нас.

Но затем перерастает в

Сигареты в руках, чай на столе - так замыкается круг,
И вдруг нам становится страшно что-то менять.

Характерно, что последняя строка тоже не о «них», а о «нас». Цой и сам говорил, что он писал эту песню не о реформах, не о перестройке. Алексей Рыбин, участник его

группы, тоже считает, что «Перемены, о которых пел Виктор, — это не перемены политического строя. <...> Это перемены гораздо более глубокие внутри себя, о которых пели, писали, рисовали, лепили все художники мира». Артемий Троицкий, рок-журналист, имеет сходный взгляд: «Я не думаю, что Цой задумывал эту песню как политическую, тем более, он не ожидал, что из неё может получиться такой настоящий гимн русского революционного движения конца 20 — начала 21 века».

Возможно, что эта песня обрела такую популярность именно потому, что революции последних десятилетий и происходят из потребности в абстрактной свободе, или говоря по-русски, воле, с неясными программами, но с сильнейшим внутренним импульсом жить не по лжи, освободиться от мира, где стабильность и благополучие достигаются за счет согласия «жить по понятиям», о которых еще Орвелл писал как double-think.

Белорусский протест прекрасно укладывается в эту схему. Собственно говоря, глубоко символичным в нем стал момент, когда начальство заставило двух молодых ди-джеев Кирилла Галанова и Владислава Соколовского развлекать публику на государственном «мероприятии», организованном в спешном порядке для того, чтобы не допустить на предвыборную площадку митинг Светланы Тихановской. Вынужденные выйти на работу, ребята восстали против лжи единственно доступным им способом - включив песню «Перемен». Она успела прозвучать всего минуту, прежде чем чиновник сориентировался и вырвал провода динамика, а ди-джеев тут же затолкнули в автозак, но песня, а более того, насилие над ди-джеями, подействовала на толпу как катализатор. Фигуры двух ди-джеев с взметенными вверх руками со знаком Victory, снятые на сотни мобильных, стали символом честности «маленького» человека, ключевой фигуры русской и белорусской гуманистической литературы последних двух веков. А песня зазвучала из динамиков сотен машин, которые колесили по городу в последующие дни, поддерживая вышедших на улицу женщин с цветами, протестующих против насилия.

Ныне, как и во времена советской перестройки, песня «Перемен» была подхвачена белорусским обществом не как песня разрушения или созидания, а как песня освобождения, и прежде всего внутреннего освобождения, о котором и пел Виктор Цой.

Песня «Стены», которая готовилась как песня нового белорусского протеста Сергеем Тихановским, а после его ареста стала визитной карточкой митингов его жены Светланы, имеет интереснейшую историю. Ее истоком была песня каталанского автора-исполнителя Льюиса Льяка (Lluís Llach i Grande) «L'Estaca» («Столб»). Русский вариант песни Кирилла Медведева под названием «Стены» появился в 2012 году; именно он звучал во время протестов у белорусского посольства в Москве после августовских выборов в Беларуси в 2020 году. Текст этой песни близок к тексту Льяка, однако символическо-мифологический столб, к которому мы все привязаны, заменен более понятным образом стен и произошло это, вероятно, не без влияния метаморфоз, произошедших с песней в польском и белорусском вариантах. Польский вариант «Mury» (Стены) был написан в 1978 г. Яцеком Качмарским, сохранившим мелодику песни и импульс «разрушительного» припева, однако в остальном полностью переработавшим текст и развившим его философский посыл. Эта песня стала гимном польского движения «Солидарность». В 2010 году, во время протестов в Беларуси, Андрей Хаданович перевел песню с польского варианта на белорусский язык; песня получила название «Разбуры турмы муры» (Разрушь стены тюрьмы). Белорусский текст был очень близок к польскому оригиналу, однако в нем появился новый существенный смысловой акцент. В избирательной кампании Тихановского, стремившейся сделать эту

песню массовой, из версии Хадановича были убраны сложные концептуальные заключительные куплеты и заменены на более прозрачные и актуализированные.

Все варианты песни объединяет мелодия и захватывающий припев, призывающий разрушить вертикаль насилия с многократным повторением «Рухнут, рухнут, рухнут». В каталонском варианте насилие символизирует столб (l'Estaca, это слово созвучно со словом «estat» - «государство», которым в то время в Испании заправлял режим Франко). В русском варианте символ насилия – это «обветшавшие давно» стены тюрьмы. В польском - это тоже стены тюрьмы; слово тюрьма, впрочем, в польском тексте не упоминается, но обрисованы ее атрибуты как реальные – стены, решетки на окнах, так и иносказательные – кандалы и кнут. Белорусский вариант однозначно говорит о стенах тюрьмы. Результатом разрушения в каталонском и русском текстах является абстрактное освобождение; в польском и белорусском, однако, разрушенные стены погребают под собой «старый мир». Причем самым интересным здесь оказался белорусский вариант, приведем его текст полностью:

Разбуры турмы муры!
Прагнеш свабоды — то бяры!
Мур хутка рухне, рухне, рухне -
І пахавае сьвет стары!

В нем первоначальная идея песни кристаллизовалась до предела, текст настолько лаконичен и динамичен, что высвобождается место для новой строки, добавленной автором: «жаждешь свободы – так бери», которая становится ключевой в презентации песни Хадановичем. На мой вопрос автору о том, как возникла эта строка, Хаданович написал мне: «Я переводил 10 лет назад именно версию Качмарского с польского. В день протестного митинга. И не очень получался припев. Когда я ближе к вечеру понял, что сам хочу на этом митинге выступить и спеть - сразу пришли нужные слова». Это было время протестов 2010 года на площади Независимости в Минске, жестоко подавленных Лукашенко, и выступить на них требовалось большое мужество.

Несмотря на разрушительный пафос припева, сюжет песни трагичен – стены остаются стоять. В каталонско-русской версии это, как кажется, объективная реальность - «А стенам износу нет», - причина которой скрыта и надежды певца поддерживает только старая песня, которая продолжает звучать вопреки всему. В польско-белорусской же версии, напротив, причины сохранения стен представлены иносказательно-символически. Певец успешно ведет за собой многотысячные толпы:

Так паўстаў шматтысячны рух,
Воінаў цэлая рать,
Можна помнікі зносіць и брук
На камяні разьбіраць.
Кожны адчуў — прыйшоў яго час
Сілы аддаць барацьбе:
Хто ня з намі — той супраць нас!..

Но в этом месте победный ритм песни перебивается неожиданной концовкой:

...Сьпявак быў сам па сабе.

Глядзеў, як шчыльныя рады
Зь ягонай песьняю ідуць,

А песня глухне, глухне, глухне...
А муры растуць, растуць...

Качмарский, выросший в социалистической Польше в среде творческой интеллигенции, очень хорошо знал, как революция пожирает своих детей, уничтожает свои собственные идеалы, разделяет мир на правых и левых, и только одинокий певец способен сохранить чистоту ее первоначальных помыслов.

Неудивительно, что в 2020 г. белорусский вариант песни по инициативе Сергея Тихановского был сделан более оптимистическим: в нем убрали последние трагические строфы и прибавили два жизнеутверждающих куплета о нынешней Беларуси (авторы Alexander Kiss и Сергей Kosmas):

Па усёй Беларусі падняўся народ
Свабоду сваю адстаяць.
Адзінаю мэтай узняўся наш дух —
Цемру святлом разганяць.

Песня зовет белорусов за собой в мирный поход к извечным идеалам правды и добра, в «страну для жизни», которой должна стать Беларусь.

Таким образом эта песня белорусского протеста в варианте Сергея Тихановского, с которой победил «народный» президент Светлана Тихановская, оказалась на первый взгляд эклектичной и противоречивой. Сохранив свои главные черты – ликующее разрушение насилия (Тomba, tomba, tomba > рухне, рухне, рухне) и волнующий образ певца, ведущего за собой массы, и она утратила трагическое осознание того, что всякое насилие, в том числе и во имя благой цели, ведет к новому кругу насилия и диктатуры, сформулированное в песне Качмарского. Вместе с тем она приобрела ясные, можно сказать трафаретные и абстрактные, образы правды, добра, света идущих в поход против лжи, зла и тьмы. В одной из добавленных строф авторы обращаются к силовикам, прямо заявляя о мирной направленности своего похода:

Браты-афіцэры, мы — адзіны народ.
Мы разам жывем на зямлі.
Зрабіце ж сумленны выбар свой.
Ня хочам мы гэтай вайны.

Тем не менее, не смотря на эту противоречивость, песня срослась и состоялась, и состоялась она, как кажется, благодаря гениально простой строке Хадановича «Прагнешь свободы — то бяры!», которая пришла к нему как по наитию, когда десять лет назад он должен был сам предстать перед стеной насилия. В ней выражена самая суть песни – свобода выбора свободы, осознание того, что стены, которые предстоит разрушить, в нас самих. По существу, этот образ был запрятан и в символике каталонского текста, говорившего о том, что мы привязаны к столбу. «Каталонский с возрастом начинаю ценить все больше, - написал мне Хаданович, - в нашей ситуации он звучит честнее, хоть и не так полезен на митингах».

Цепи женщин в белом с цветами в руках, ставших вдоль улиц Минска в протесте против беспредела силовых структур, стали поворотным моментом белорусской народной революции. Это было преодоление страха и внутреннее освобождение, осознание единства и рождение новой, свободной нации. Именно в тот день и рухнули стены советского, авторитарного мира. Политологи и геополитики, обсуждающие белорусские протесты, критикуют его за отсутствие программы, руководства

(leadership), за топтание на месте. Но в этом-то, возможно, и была суть белорусского протеста – ненасильственным путем победить неправду, освободиться от страха, чтобы «светлы і сонечны пуць» привел их, как поется в новом варианте песни Тихановского, в «страну для жизни». Как тут не вспомнить классические строки другого барда, Булата Окуджавы: «О, были б помыслы чисты! А остальное все приложится».

Из других песен белорусской революции можно отметить неожиданно ставшей популярной «Три черепахи» рок-группы «N.R.M.». Именно ее бесшабашно исполняет гитарист, выйдя к цепи ОМОНа, стоящего за щитами и «охраняющего» резиденцию президента от мирной демонстрации. Эта дурашливая песня о трех то ли черепахах, то ли слонах, то ли китах, на которых на которых стоит мир, появилась в альбоме группы еще в 2000 году. Однако она кажется беззаботной шуткой только на первый взгляд. Ее импульс пронизан аллегориями «Перемен» Цоя – герой так же рвется из обыденного мира здравого смысла, пронизанного «камунальными пахами» в братство людей, на свободу, в город, в горы, в далекие страны.

Ее веселый припев:

Гэй, ла-ла-ла-лай, ты не чакай, сюрпрызаў ня будзе.
Гэй, ла-ла-ла-лай, ты не чакай, ты не чакай.

ныне дополнился новыми словами: «ты не чакай, чаканне дастала». По существу, это «чаканне дастала» то же самое, что и «Перемен!» или «Прагнеш свабоды — то бяры!».

Но есть у песни и существенное отличие, что также делает ее ныне особенно актуальной – это строки:

Каб любіць Беларусь, нашу мілую Маму,
Трэба ў розных краях пабываць!

Не случайно здесь Беларусь ассоциируется не с авторитарным «Бацькай», как называли Лукашенко и как он до последнего позиционирует себя сам, а с Мамой. Именно присутствие этого мирного начала дает современному космополиту-бунтарю точку опоры:

Зразумееш тады - пад тваімі нагамі
Тры сланы нерухома стаяць.

Казенный патриотизм, который вколачивали в детей и в советских, и в белорусских школах, здесь наполняется новым, подлинным смыслом, дающим силы противостоять насилию, что и продемонстрировали ребята перед лицом омовцев. Под этот куплет развернули бело-красно-белый флаг на берегу Тихого океана и белорусы Австралии.

И, наконец, четвертая песня «Воины света» белорусского поэта и музыканта Сергея Михалока (рок-группа «Ляпис Трубецкой»). Написанная на русском языке о мире фэнтези вне связи с политическими событиями, в 2013 году песня неожиданно была востребована украинским Майданом и стала его неофициальным гимном. Ныне она прекрасно переведена на белорусский Дмитрием Сосновским и нашла свое место в белорусском протесте. В ней то же символическое противопоставление сил тьмы и света, который приходит «отгоняя страх».

Беларусь августа 2020 была полна света и тьмы, мужества и страха, ликования и злобы. И силы света поддерживали песни. Андрей Хаданович пишет в Фейсбуке о событиях в провинциальном городке Пружаны через две недели после выборов:

Учора ўвечары сабраліся на Плошчы і прайшлі шэсьцем па Пружанах. Людзей было ня вельмі шмат, але нас істотна падтрымлівалі песьні і сьцягі. Паралельна з нашай калонай паволі рухалася калона машын са сьцягамі. І з кожнай машыны гучала песьня. Зь першай – міхалковья “Воіны сьвятла”. З другой – цоеўскія “Перамен”. У трэцяй Вольскі па коле сьпяваў “Тры чарапахі”, аж пакуль радок “Каб любіць Беларусь, нашу мілую маму...” не супаў з радком з чацьвертай машыны: “Каб любіць Беларусь”, але ўжо ў вэрсіі Данчыка. Песьні – фэйная справа!

Сам Хаданович на следующий день исполнял на городской площади «Муры».

Более века отделяет нынешнюю белорусскую белую революцию 2020 года от русских революций 1905 и 1917 годов. Белорусы не хотят повторять опыт своих дедов и прадедов, они не хотят крови и разрушения. И враг у них другой – это собственная инертность, страх, разобщенность. Об этом и песни, которые белорусы выбирают, хотя иногда кажется, что и сами песни своей магией и закодированной в них преемственностью выбирают белорусов и ведут за собой. Нет сомнения, что стены скоро рухнут, и пророческие слова Цоя «все находится в нас» помогут белорусам построить свою «страну для жизни».